

МОВНІ КАТЕГОРІЇ В ДІАХРОНІЇ

© А. И. Илиади
(Кировоград)

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К НЕСКОЛЬКИМ СЛАВЯНСКИМ ИЗОГЛОССАМ В ТРУДЕ А. А. ШАХМАТОВА «К ИСТОРИИ ЗВУКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА»

Статья посвящена этимологическому анализу нескольких групп однокоренных славянских лексем, представляющих две архаичные восточнославянские изоглоссы. Каждая из них отражает сохранение в различных восточнославянских ареалах рефлексов определенной праславянской формы. Выведение этих прототипов одним из основных условий предполагает размежевание омонимичных образований. Схождения в семантике цепочек омонимичных форм объясняется результатом тесного переплетения целых словообразовательно-этимологических гнезд. Будучи использованными в одной из работ выдающегося русского слависта А. А. Шахматова, они не получили надежного этимологического толкования, попав, таким образом, в категорию примеров, не работающих в пользу частных предположений ученого.

Ключевые слова: дериват, праславянский, этимология, словообразование, прототип.

О. І. ІЛІАДІ. ЕТИМОЛОГІЧНИЙ КОМЕНТАР ДО КІЛЬКОХ СЛОВ'ЯНСЬКИХ ИЗОГЛОС У ПРАЦІ О. О. ШАХМАТОВА «ДО ІСТОРІЇ ЗВУКІВ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ»

Статтю присвячено етимологічному аналізу кількох груп спільнокореневих слов'янських лексем, які репрезентують дві архаїчні східнослов'янські ізоглоси. Кожна з них відбиває збереження у різних східнослов'янських ареалах рефлексів певної праслов'янської форми. Виведення цих прототипів однією з основних умов передбачає розмежування омонімічних утворень. Збіги у семантиці ланцюжків омонімічних форм пояснюються результатом тісного переплетення цілих словотвірних-етимологічних гнізд. Будучи використаними в одній з праць видатного російського слависта О. О. Шахматова, вони не дістали надійного етимологічного тлумачення, потрапивши, таким чином, до категорії прикладів, що не працюють на користь окремих припущень науковця.

Ключові слова: дериват, праслов'янський, етимологія, словотвір, прототип.

A. I. ILIADI. ETYMOLOGICAL COMMENTARY TO SEVERAL SLAVONIC ISOGLOSSES IN A. A. SHAKHMATOV'S WORK "ON THE HISTORY OF SOUNDS OF THE RUSSIAN LANGUAGE"

The article is devoted to the etymological analysis of several groups of cognate Slavonic lexemes, which represent two archaic Eastern Slavonic isoglosses. Each of them reflects preservation of the reflexes of a certain Proto-Slavonic form in different Eastern Slavonic areas. One of the main conditions for the reconstruction of these prototypes is the differentiation of homonymous formations. The convergences in the semantics of the chains of homonymous forms can be accounted for as a result of close interconnection of the word-formative-etymological clusters. They were used in one of the works of the outstanding Russian Slavist A. A. Shakhmatov, however, these forms were not given a reliable etymological interpretation. As a result they pertain to the examples that do not support certain hypotheses of the scholar.

Key words: derivative, Proto-slavonic, etymology, derivation, prototype.

Среди восточнославянских слов, привлеченных А. А. Шахматовым в исследовании «К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях» (С.-Петербург, 1903) для обоснования его взгляда на историю развития восточнославянской лексики, демонстрирующей полногласие, есть ряд таких, которые

и сейчас, спустя сто с лишним лет, еще нуждаются в этимологическом освещении. Ученый не вдавался специально в детали их морфологии, поэтому представляется, что этимологический взгляд на структуру этих лексем поможет не только дополнительно аргументировать некоторые частные предположения А. А. Шахматова, но и внести ясность в исследование истории нескольких лексических гнезд, тем более что в позднейшей профильной литературе нет единства во мнениях об их генезисе.

1. Рус. диал. псков., осташк., соликам. *телепéнь* (р. п. – *телепнѣя*) ‘дородный ребенок’, влад. *тэлепень* ‘толстяк’, росл. *теляпень*, *тиляпень* ‘грузный, толстый человек’, *тэльпень* имеет параллели в блр. диал. *цэлепéнь* ‘неповоротливый толстяк; обрубок’ (Шахматов 1903: 97; Шахматов 1902: 358, 359, 361) и укр. *тэлепень* ‘неповоротливый, медлительный, медленно соображающий человек’, ст.-укр. *Телепня*, 1649 г. – антропоним (Реестр 1995: 37).

Насколько нам известно, впервые эти вост.-слав. формы были сопоставлены в упомянутой работе А. А. Шахматова, и, видимо, именно к ней восходит традиция объединять в одном ряду как родственные такие существительные и глаголы, как рус. *отелёныш* ‘толстяк, увалень’ и *телепáться* ‘болтаться, качаться’, укр. *телепати* ‘трясти, болтать, тихо идти, пачкать’ и *тэлепéнь* ‘недотепа, увалень, тёпа’ (см., напр., Шахматов 1902: 360-361 и далее: Фасмер 1987, IV: 38-39; Топоров 1975: 10-14; ЕСУМ 2006, 5: 539). В этимологической литературе более позднего времени наблюдается расширение этой группы внешне близких слов за счет их фонетических и словообразовательных вариантов, однако исследователи расходятся в одном принципиальном вопросе: идет ли речь о сохранении в славянском реликтов обширного и.-е. этимологического гнезда (так см. у В. Н. Топорова, который возводил лексику с основой *телеп-* к и.-е. **telp-/*talp-* со значением емкости, полноты, заполнения пространства, возрастания, скученности, стесненности, ср. лит. *telpiù* ‘помещаться’, ‘вмещаться’, лтш. *talpa* ‘пространство’; Топоров 1975: 13) или же о позднем образовании слов звукоподражательного, аффективного свойства (см.: Фасмер 1987, IV: 38-39; ЕСУМ 2006, 5: 539)?

Однако смысловая взаимообусловленность элементов указанного лексического гнезда, которая, как будто, не дает причин усомниться в их этимологическом тождестве¹, может оказаться мнимой. Подразумевается вероятность смешения в

¹ Ср. трактовку В. Н. Топоровым принципа формирования семантики внутри рассматриваемой совокупности слов: ‘телепать(ся)’ → ‘неупорядоченное, разнонаправленное движение’ → ‘нечто, отличающееся большими размерами’ (Топоров 1975: 13). Включая в одно этимологическое гнездо как

процессе этимологической процедуры элементов двух разнокоренных групп слов, чему немало способствовала их формальная близость. Не исключено также, что фонетическое сходство основ рус. *телепаться* ‘болтаться, качаться’ ~ *тэлепень* ‘толстяк’ и др. в сумме с представлением о неустойчивости, медлительности увальня, его раскачивании при ходьбе действительно привели к их вторичному сближению в вост.-слав. диалектной речи. Потому, как нам кажется, есть смысл присмотреться пристальнее к семантике единиц рассматриваемой лексической семьи.

По значению они четко распадаются на два разряда (ниже материал дается по: Шахматов 1902: 361; Фасмер 1987, IV: 38-39; ЕСУМ 2006, 5: 539; СРНГ 2011, 44: 5, 6). К **первому** относятся приведенные выше рус. и блр. имена со знач. ‘толстяк’, ‘неповоротливый, неуклюжий человек’, а также рус. яросл. *тэлепень* ‘обрубок дерева, бревна; толстый тяжелый чурбан’, курск., мурман., новг. и др. ‘о здоровом, крепком, упитанном человеке’ и укр. *тэлепень* ‘увальень, тѣпа’. Ко второму – рус. *тэлепень* ‘кистень, ядро на цепи’, курск., орл., твер., влад. и др. ‘о ленивом человеке’, ‘о недалеком, неразвитом, бестолковом человеке’, ‘о ребенке, который любит, чтобы его качали на руках’, ‘о болтливом человеке’, ‘язык, било у колокола’, ‘шлепок, удар ладонью по задней части тела ниже спины’, укр. *тэлепень* ‘то, что болтается; пустомеля, болтун’, ‘дурак, недотепа’, ‘коса (волосы)’, диал. *телѣпка* ‘бессмысленный, пустой разговор’, *телѣпний* ‘говорливый, глупый’, *зателѣпа* ‘неряха’. Семантика **второй** группы имен вполне объяснима с позиций их словообразовательной зависимости от соответствующих глаголов в духе ‘болтаться’, ‘свисать’ → ‘коса’, ‘ядро на цепи’, ‘язык колокола’ (ср. рус. курск., ворон., смол. и др. *телепаться* ‘болтаться, мотаться, качаться (о веревке, поясе и т. п.)’, ‘свисать’, укр. диал. *тилѣпатися* ‘болтаться’ как производящие для существительных с указанными знач.), ‘болтать(ся)’ → ‘болтун’, ‘пустомеля’ (→ ‘глупец’), ‘бессмысленный разговор’ (ср. рус. смол. *телепаться* ‘заниматься болтовней, пустословить’, брян. *языком телепать* ‘болтать, пустословить’, укр. диал. *телѣпкати* ‘говорить глупости’, от которых образованы названия болтуна, недалекого человека², пустого разговора), ‘медленно передвигаться’ → ‘лентяй’ (: рус. брян., дон. *телепать* ‘медленно ходить, едва передвигаться’, блр. *цэлепаць* ‘идти’, укр. *телѣпати* ‘идти медленно, тяжело

вост.-слав. слова типа *телепень*, *телепатия*, так и *толпа*, (вместе с приведенной выше балт. лексикой), он признает, что ряд деталей их связи «остается не вполне понятным».

² Ср. еще значения ‘о бестолковом человеке’, ‘о несговорчивом, неуступчивом, непокладистом человеке’, ‘о беспутном, ветреном человеке’, отмеченные у бессуфф. рус. диал. *телѣпа*, *телѣпа* (волог., новг., территория Бурятии; СРНГ 2010, 43: 349).

переставляя ноги; трясти' ~ рус. диал. *тэлепень* 'ленивый человек'), 'пачкать' → 'неряха' (: укр. *телéпати* 'пачкать', диал. 'жадно есть' и *зателéна* 'неряха'), 'качать' → 'капризный ребенок' (: рус. брян. *телепáть* 'слегка шевелить, качать что-л. (о ветре)' ~ пск., твер. *тэлепень* 'ребенок, который любит, чтобы его качали на руках'), 'бить' → 'удар' (: рус. волог. *телепáться* 'бить друг друга, драться', укр. диал. *телéпнути* 'ударить; выпить' ~ рус. пск., твер. *тэлепéнь* 'шлепок, удар').

Но не является установленным фактом, что значения первой обязательно производны от 'ударить' (и далее – 'выпить', ср. рус. разг. *врэзать* перен. 'то же'), 'жадно есть', 'трясти', 'болтать(ся)' 'говорить глупости', 'медленно, тяжело идти'³. Объективна лишь вероятность ассоциативного сближения, напр., семем 'дурак', 'болтун' с 'увалень' и установление логической связи между *телéпати* 'идти медленно' и *тэлепéнь* 'увалень' на основе их материальной близости, что в итоге могло привести к сращиванию всех единиц двух *разных* этимологических гнезд.

Первое действительно представлено звукоподражательными глаголами⁴ и их дериватами (см. выше второй ряд имен и глаголов). В основе же второго этимон *tel-/*тыl-, имевший, судя по семантике рефлексов, значение 'выпуклый предмет' (→ 'толстяк', 'увалень'). Элемент -р- имеет функцию детерминатива наравне с другими звуками, ср. расширение ими варианта этого же корня с редуцированным вокализмом: *тыl-р-, отраженное в рус. диал. ряз. *толнэга* 'о толстом, упитанном человеке', 'глупый человек', 'толстуха'⁵, подмоск. *толнѣшка* 'пробка, втулка', укр. диал. полт. *товнѣга* 'ироническое название глупого, тупого мужчины', (с другими суфф.) рус. диал. *телнеш*, *телнешь* 'сильный ребенок', чеш. диал. *tělpatý* 'толстый, сильный' (Machek 1957: 525: соотносит с рус. *тэлепень* 'шар; неуклюжий ребенок', определяя в итоге как неясное; подробнее о *тыl-р- см.: Илиади 2001: 87-88: с литературой; Илиади 2005: 70-71: с литературой); *тыl-b-, засвидетельствованное в укр. диал. *тоўба* 'неповоротливый, неуклюжий, толстый человек', блр. диал. *тоўба* 'неповоротливый, толстый человек' (Козлова 1998: 101: к и.-е. *tel- 'нечто круглое, выпуклое'; ЕСУМ

³ Достоверный пример производности 'увалень' ← 'медленно идти', 'медленно работать' представлен словообразовательной парой из укр. диал. *мáмляти* 'вяло работать', 'медленно идти' и *мамлїй* 'увалень, ленивый человек' (ЕСУМ 1989, 3: 376), где эта семантическая зависимость прозрачна и подтверждена самим характером модели.

⁴ Ср. еще варианты (в плане оформления исхода основы губными -л- : -б- : -м-) к *телепáть* 'медленно идти' рус. курск., орл. *телебить* 'тихо, медленно идти', 1850 г., новг. *телемáться* 'быть неустойчивым, шататься' (СРНГ 2010, 43: 342, 347).

⁵ Возможно, сюда же рус. яросл., иван. *телепéга* 'о толстом, неповоротливом, неуклюжем человеке', нижегор. 'о толстой, дородной женщине' (СРНГ 2011, 44: 6). Не исключено, что -еле- тут – результат изменения -ол- (сохранено в рус. *толнэга*, укр. *товнѣга*) под влиянием *телепáться*, *телепень*.

2006: 5, с. 586, 589: с констатацией «не совсем ясное» и рядом сопоставлений, среди которых и укр. *товніга*); *тъl-m-, предполагаемое в блр. полесск. *тыльма* ‘надкопытный сустав у коня’, *тоўму́га* ‘безрогая корова’, ‘неаккуратный человек’ (Козлова 1998: 101, 104)⁶. Что касается дальнейших генетических связей слав. *telr-/*тыlp-, то весьма вероятным представляется предлагаемое В. Н. Топоровым сопоставление рус. *теленя* с лув. *talurpi* ‘ком’, ‘глыба’ (Топоров 1975: 32).

В фонетико-типологическом отношении этимон, лежащий в основе указанной лексической семьи, примыкает к группе и.-е. корней со структурой «смычный согласный + гласный + плавный l», от которых часто образовывались названия предметов выпуклой, округлой формы. Ср. аналогичные структурно-фонетические характеристики псл. *къл-, так же как и *тъl-, засвидетельствованного в составе детерминативно усложненных основ: *кълъ > укр. диал. *ковб* ‘свиной желудок’, блр. диал. *коўб* ‘узел из волос, затянутых на затылке’, ‘желудок у скотины’, *коўп* ‘то же’, (произв.) *кълbatъjъ > блр. диал. *каўбаты* ‘пузатый’; *кълma/*кълmo > укр. *кóвмо* ‘вязанка конопли и льна’ и произв. (см. выше; ЭССЯ 1987, 13: 181, 182, 188, 189).

Далее наше внимание будет сосредоточено на вариантной к *тыlp- основе *telr- (приводимое в ЕСУМ 2006, 5: 539 пол. диал. *телеpac* ‘трясти; шататься’, ‘блуждать’, ‘шляться’, ‘лезть’, ‘медленно идти’ не опровергает такую реконструкцию, т. к. является поздним ареальным заимствованием из вост.-слав.). Именно к ней восходят перечисленные выше вост.-слав. лексемы, чей древний возраст впервые был косвенно признан А. А. Шахматовым, рассматривавшим их (без укр.), правда, как результат фонетического развития первоначальных форм с сочетаниями $\alpha\bar{l}^1$ (> *еля* в рус. диал. *теляня* ‘грузный, толстый человек’), αl (> *еле* в рус. диал. *теленя* ‘дородный ребенок’), αl^1 (> *тельня* ‘то же’) в корне, где α – особый редуцированный звук, отличный от $\bar{\alpha}$ и $\bar{\alpha}^1$ по месту образования и количеству (Шахматов 1902: 331-332, 358). Констатация древности производящей основы, хоть и с признанием краткости ее вокализма, фактически отличается от толкования этих же форм в современных этимологических словарях, где говорится только об их звукоподражательном происхождении без акцента на их хронологию.

Морфология рус. диал. *теленя* (р. п. – *теленя*), *теленя*, блр. диал. *целеня*,

⁶ К типологии развития семем ‘выпуклость’, ‘безрогий’, ‘неаккуратный’ в генетически тождественных формах ср. рус. диал. *колмыга* ‘большой засохший ком земли’ и *калматы* ‘безрогий’, блр. *калматы* ‘косматый, лохматый’, образованные от псл. *кълma/*кълmo (ЭССЯ 1987, 13: 181, 182, 188, 189).

укр. *тэлепень*, а также рус. диал. *отелёпыш* ‘толстяк, увалень’ и *теленёга* ‘довольно толстая, здоровая женщина’ позволяет выделить в них суффт. *-ен-*, *-ыш-*, *-ег-*, присоединенные к основе, которая в «чистом» (бессуффиксном) виде не встречается, что также свидетельствует в пользу их архаики. Если же в качестве производящей предположить основу, представленную в рус. диал. новг. *телёпа*, *телёпа* ‘о вялом, нерасторопном, неуклюжем человеке’ (СРНГ 2010, 43: 342, 347, 349) или *за-телёпа* ‘вялый, нерасторопный человек’, ‘крепыш, здоровяк’, *зателёпа* ‘толстый, неповоротливый ребенок’ (Шахматов 1903: 96-97; Шахматов 1902: 360; СРНГ 1976, 11: 86-87), то мы в очередной раз сталкиваемся с неоднозначностью семантики как свидетельства слияния двух разных лексических гнезд: нужно ли действительно видеть в ней результат развития ‘увалень, толстый человек’ (и далее – ‘вялый, неуклюжий’) ← ‘выпуклый, крупный предмет’ или же она вторична от ‘медлительный человек’ (→ ‘вялый, нерасторопный’) ⁷ и далее – к *за-теленать*, о чем говорит наличие глагольной приставки *за-*? Правда, последнее обстоятельство также не имеет решающего значения, т. к. соответствующие непроизводные имена могли получить глагольную приставку под давлением аналогии омонимичных им префиксальных девербативов в условиях отождествления двух рядов разнокоренных образований (видимо, как раз такой случай представляет рус. диал. *зателёпыш* ‘крепыш, здоровяк’, ‘толстяк’, ‘толстый ребёнок’; СРНГ 1976, 11: 87).

Итак, восстанавливаемые в качестве исходных для указанных выше форм псл. архетипы **telpenь/*telrpenь* нужно относить к той немногочисленной группе слов, которые демонстрируют вост.-слав. отражение группофонемы *telt* не в виде ожидаемого «классического» *tolot*, как в *молоко* < **melko*, а в виде *telet*. Таким образом, **telrpenь* продолжает ряд лексем, состоящий из **belbenь* (: укр. диал. *бэлебень* ‘возвышенное и открытое место’, ‘открытая или опустошенная местность без построек и растительности’, *белибень* ‘незаросший голый бугор, пустошь’; ЭССЯ 1974, 1: 184), **čelнь*, **čelнькъ* (: рус. диал. *челенó* ‘три ряда нижних бревен сруба’, ‘звено бревен в плоту’, *целено* ‘плот’, *челень* ‘известное количество паёв в поле’, укр. диал. *челенок*,

⁷ Точно такой же случай двусмысленности семантического развития (отсюда этимологическая неоднозначность слова) представлен еще одной рус. лексемой с основой *телен-*, а именно – перм. *теленáй* ‘толстый, неповоротливый человек’, 1856 г. (СРНГ 2011, 44: 5). В частности, знач. ‘толстый’ (→ ‘неповоротливый’) тут можно рассматривать и как реализацию в славянском сумммы семантических признаков ‘круглый крупный предмет (обрубок дерева, толстый чурбан)’, восстанавливаемых для и.-е. **tel-*, и, наоборот, как эволюцию ‘непоротливый’ ← ‘медленно идущий, «телепающийся»’, отмечаемых в производных от указанного выше экспрессивного, звукоподражательного глагола. Кажется, этот пример также может свидетельствовать о тесном переплетении двух словообразовательно-этимологических гнезд.

челенко ‘в пальце: кость, сустав’; ЭССЯ 1977, 4: 44-45), *želsti, *želdŋ (: рус. *желеду*, *желести* ‘платить, искупать вину’ при ст.-сл. *жлѣсти*, *жлѣдѣ*; Фасмер 1986, II: 42), *želd- (: рус. диал. *ожелѣдица* ‘гололедица, ледяной наст на снегу’, укр. *о́желѣдь*, *о́желѣда* ‘гололедица, дождь со снежной крупой’ при пол. *żłód*, *żłódź* ‘гололедица, дождь с градом’; Фасмер 1987, III: 124), *tel-мень (: укр. *Телемень* – название притоков р. Ризни, Ирши, Тетерева и Днепра), сопоставляемое с др.-гр. *τέλμα* < *tel-mŋ ‘стоячая вода, болото’ (Откупщиков 2005: 255: *Теле-мень*; по-другому см. Козлова 1998: 104: к этимону *tel- ‘выпуклость’).

Причина такого «незакономерного» развития в восточнославянском слов с формулой *telt*, видимо, заключается в существовании древних ареальных вариантов произношения этой последовательности звуков. Это значит, что в некоторых позднеславянских диалектах, что стали основой будущих древнерусских говоров, не было, как в других, лабиовеляризации плавного *l*, потому *telt* здесь изменилось в *telet*, а не *tolot* или *telot*⁸. В эпоху миграций населения в границах восточнославянской территории носители идиомов, где *telt* дало *telet*, оказались в меньшинстве, и нормативное для них *telet* было вытеснено привычным большинству *tolot/telot*. И только на периферии (она вообще является консервирующей средой для архаичных явлений) сохранились свидетельства древнего диалектного варьирования *telet* : *tolot/telot*.

Изменение в историческую эпоху огласовки рефлексов *telp- (ср. блр. диал. *теляпень*, *тиляпень* ‘грузный, толстый человек’, *цяляпень* (р. п. *цяляпяня*) ‘неповоротливый, неловкий человек’, рус. диал. *зателяпа* ‘нерасторопный, вялый; неуклюжий человек; толстый неповоротливый ребенок; крепыш, здоровяк’; Шахматов 1903: 95; Кавалёва 1960: 90, а также формы типа рус. диал. псков., осташ. *тельпéнь* ‘дородный ребенок’; Шахматов 1902: 340) обусловлено⁹:

1) фонетическими процессами, протекавшими в вост.-слав. диалектах (напр., ослаблением *e* в безударной позиции и его выпадением, ср. еще рус. псков., осташк. *тельпéнь*, *тельпéш* ‘дородный ребенок’, *тюльпéнь* ‘толстый, неповоротливый человек’; Шахматов 1902: 349, 350);

⁸ Материал, подтверждающий возможность такого развития *telt*, обычно выпускается из виду, потому в учебной литературе господствует традиционная точка зрения (*telt* > *tolot/telot*), основанная на небольшом стандартном наборе примеров (преимущественно лексемы литературного языка), кочующих из одного пособия в другое. Ср. соответствующие разделы таких классических учебников по истории русского языка, как, напр.: Якубинский 1953: 125; Черных 1962: 82-83 (с утверждением «достоверных примеров с *еле* из *ел* не имеется» – С. 82); Иванов 1964: 153-154 (то же и в третьем, перераб. и доп. издании 1990 года; см. С. 128) и др.

⁹ Ср. аналогичное изменение *-еле-* в репрезентантах псл. **belbень*?/**belbeľ*: укр. диал. *бѣлебень* ‘возвышенное и открытое место’ наряду с *белибень* ‘незаросший, голый бугор, пустошь’ (ЭССЯ 1974, 1: 184).

2) дальнейшей контаминацией продолжений *telp- и единиц словообразовательного гнезда таких экспрессивных глаголов (и производных от них имен), как рус. диал. *теляпнуть* ‘стащить, украсть’, *растеляпило* ‘разнежило’, курс. *цьялястать* ‘украсть’, черепов. *тюляшитъ* ‘идти неповоротливо’, *тилипать* ‘очень скоро есть, уплетать молча’, укр. *тіліпати, тіліпатися* ‘болтаться’ (Шахматов 1902: 359, 362), блр. *целяпаць* ‘болтать’, ‘мотать’, *целяпацца* ‘болтаться’ и др. (приведены по: Топоров 1975: 12).

Подведем краткие итоги этимологическому комментарию этой вост.-слав. изолексы. 1. Существительные со знач. ‘увалень’, ‘толстый человек’ и глаголы с формально близкой основой (*телеп-/телип-/целяп-*) целесообразно рассматривать порознь как этимологически и хронологически разные единицы. 2. Фонетические и семантические схождения между единицами обоих лексических гнезд имеют вторичный характер и сложились относительно поздно. 3. Этимон *telp- ‘ком, шар’, ‘округлость’, лежащий в основе *телеп-* и др. имен, представляет собой консонантное лабиальное расширение корня на плавный сонант, аналогичное вариантным *tylb-, *tylm-. Фонетика его продолжений указывает на возможность развития формулы *telt > telet* в вост.-слав. ареале древнейшей эпохи.

2. Вост.-слав. глаголы с основой *селеп-* типа блр. диал. *селепаць, селепануць* ‘проворно черпать; хлебать, хлестать’, укр. диал. *селепітисся* ‘пристать к кому-нибудь, привязаться’, *обселёпитисся* ‘напиться’ у А. А. Шахматова даны как примеры развития *-еле-* из первоначального сочетания *ał* (с долгим неслоговым плавным) (Шахматов 1903: 95, 96; в ЕСУМ 2006, 5: 209: укр. *селепітисся* истолковано как «Неясное; очевидно, аффективное образование»). Эта изоглосса продолжается на территории русских говоров, ср. смол. *селепаться* ‘возиться в грязи’, *заселепнуть* ‘зачерпнуть’ (СРНГ 1976, 11: 28; 2003, 37: 132).

Фонетически заманчивое сопоставление упомянутых ранее укр. и блр. форм с укр. *солоніти, вісолоніти* ‘высовывать язык’, блр. *солупнуць* ‘высунуть язык, лизнуть’, укр. *совп* ‘рыболовная сеть’, серб. *суп* ‘род рыболовной изгороди’ (Шахматов 1902: 360, 369) приходится оставить в стороне, поскольку сам А. А. Шахматов в более позднем исследовании предложил сравнение укр. *солоніти* со ст.-сл. **въслапѣти, въслапѣти** ‘отгонять, удерживать, укрощать’ (Шахматов 1915: 51). В работах же современных авторов укр. *солоніти, вісолоніти* и под. были убедительно

истолкованы как рефлексы псл. *solpiti с этимоном *solp- ~ и.-е. *sel- ‘двигаться’ (подробно см. Аникин 1988: 23-28, 89-90: с анализом различных точек зрения).

Разница в наборах значений лексем с основами *солоп-* и *селеп-* четко уловима (*солоп-*: ‘высовывать язык’, сводимое к *‘выталкивать’; см. : Аникин 1988: 25; *селеп-*: ‘хлебать’, ‘пить’, ‘черпать’, ‘возиться’¹⁰, ‘привязаться’, ‘хлестать’) и вряд ли сводима к одной семантической основе, потому возникает сомнение в их родстве. Так, *селеп-* может быть объяснено как экспрессивный глагол со структурой, вариантной к *сербать*, ср. рус. брян. *сербать*, *сёрбать* ‘есть (жидкое), черпая ложкой, хлебать’, смолен., краснор. *сёрбать*, *сёрбать* ‘громко, шумно есть, пить, хлебать’ (СРНГ 2003, 37: 181).

Под вариантностью вост.-слав. *селеп-* : *серб-* подразумевается результат отражения в них псл. *selp- : *sьrb- как разновидностей одной и.-е. звукоподражательной основы (об этой последней см., напр., ЕСУМ 2006, 5: 493: с литературой), ср. более полное сходство *selp- : *serb- (> слвн. *srébatl*, чеш. *střebati* ‘сербать’; ЕСУМ: там же). Касательно чередования *l* : *r* в корнях-ономатопах укажем на отношения укр. диал. *мáмляти* ‘вяло работать’, ‘медленно, неохото есть’ и *мáмрати* ‘то же’ (ЕСУМ 1989, 3: 376-377).

К развитию значений ‘хлебать’, ‘пить’ (фигурально о жадно пьющем человеке – ‘черпать’) и ‘хлестать’ в одном слове ср. рефлексы псл. *xlapati (: чеш. диал. *chlapac* ‘пить, лакать (о скотине)’, ‘хлестать (о дожде)’), *xlestati/*xlěstati/*xlostati (: слвц. *chl’astat* ‘хлебать’, ‘много пить’, диал. *chlostat* ‘хлестать’), *xlipati (: слвн. *hlipati* ‘хлебать’, ‘бить’) и др. (ЭССЯ 1981, 8: 24, 26, 34). Ср. также зеркальную ситуацию ‘бить’ → ‘пить’, ‘хлебать’, отмеченную, напр., в просторечном употреблении рус. глаголов *хлестать* (водку), *трахнуть*, *дерябнуть*, *дербулызнуть*, *врезать*, *нарезаться* и др.

Суммируем сказанное: рассмотренные глаголы продолжают псл. *selpati, *selpiti, чьи вост.-сл. рефлексы имеют ту же особенность, что и рефлексы описанных выше *telpepь/*telpьпь, а именно – эволюцию формы основы типа *telet*. Эти лексемы следует отличать от омонимичного *selpati, отраженного, напр., в рус. *силипать* ‘высовывать язык, пить’ и ст.-сл. *слѣпати* ‘течь’ (Аникин 1988: 27), где рус. пример (из *селепать) также демонстрирует *telet*. О возможном смешении единиц двух лексических семей в рус. диал. речи свидетельствует семантика ‘высовывать язык’ и ‘пить’ (вероятно, первоначально о животных) в рус. *силипать*.

¹⁰ Связь значений ‘хлебать’, ‘пить’ и ‘высовывать язык’ как возможное связующее звено между двумя сериями слов слишком ненадежна (неясно, действительно ли речь идет о животном, которое пьет, используя язык) и сама по себе не объясняет природы других семем в вост.-сл. *селеп-*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин А. Е. Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне / А. Е. Аникин. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 126 с.
2. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка / В. В. Иванов. – М. : Просвещение, 1964. – 451 с.
3. Илиади А. И. Об одной группе соматической лексики в связи с вопросами славянской именной суффиксации / А. И. Илиади // *Folia onomastica Croatica*. – Zagreb, 2001. – Кнј. 10. – С. 83–94.
4. Илиади А. И. Основы славянской этимологии / А. И. Илиади. – К. : Довіра, 2005 – 270 с.
5. Кавалёва Е. 3 лексікі вёсак Абідавічы і Журавічы / Е. Кавалёва // *Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы*. – Мінск : Навука і тэхніка, 1960. – С. 83–91.
6. Козлова Р. М. До етнолінгвістичної інтерпретації деяких гідронімів басейну Дніпра / Р. М. Козлова // *Ономастика України та етногенез східних слов'ян*. – К. : [Б. в.], 1998. – С. 93–105.
7. Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. – [2-е изд., испр. и доп.] / Ю. В. Откупщиков. – С.-Петербург : Филолог. факультет СПбГУ ; М. : Академия, 2005. – 320 с.
8. *Реєстр Війська Запорозького 1649 року* : Транслітерація тексту / [підгот. : О. В. Тодійчук (гол.упоряд.) та ін. ; передмова Ф. П. Шевченка]. – К. : Наук. думка, 1995. – 588 с.
9. *СРНГ* : Словарь русских народных говоров / [под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. – М. ; Л. ; С.-Петербург : Наука, 1965-2013. – Вып. 1-45.
10. Топоров В. Н. К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями / В. Н. Топоров // *Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов*. – М. : Наука, 1975. – С. 3–49.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер ; [пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина]. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : Прогресс, 1986-1987. – Т. I-IV.
12. Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. – [3-е изд.] / П. Я. Черных. – М. : Учпедгиз, 1962. – 375 с.
13. Шахматов А. А. К истории звуков русского языка / А. А. Шахматов // *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*. – С.-Петербург, 1902. – Т. VII, кн. 2. – С. 304–382.
14. Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях / А. А. Шахматов. – С.-Петербург, 1903. – 212 с.
15. Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка / А. А. Шахматов // *Энциклопедия славянской филологии*. – Петроград, 1915. – Вып. 11. – 367 с.
16. *ЭССЯ* : Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / [под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева]. – М. : Наука, 1974-2012. – Вып. 1-38.
17. *ЕСУМ* : Етимологічний словник української мови : У 7 т. / [гол. ред. О. С. Мельничук]. – К. : Наук. думка, 1982-2012. – Т. 1-6.
18. Якубинский Л. П. История древнерусского языка / [с предисл. и под ред. акад. В. В. Виноградова ; прим. проф. П. С. Кузнецова] / Л. П. Якубинский. – М. : Учпедгиз, 1953. – 368 с.
19. Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského* / V. Machek. – Praha : ČSAV, 1957. – 628 s.

Стаття надійшла до редакції 15.05.2014